

Анатолий Смелянский: «Театр - нервное окончание страны» | Anatoly Smeliansky: "Theatre is the nerve of the country"

Auteur: Азамат Рахимов, [Женева](#) , 16.10.2013.

Анатолий Смелянский отвечает на вопросы Нашей Газеты.ch (© Miguel Bueno)

Один из самых известных и авторитетных историков театра, ректор Школы-студии МХАТ, исследователь творчества Михаила Булгакова приехал в Женеву вместе с МХТ им.Чехова в рамках «Российских культурных сезонов». Мы встретились, чтобы поговорить с ним о роли театра в современном мире, его ответственности и влиянии на умы.

|
One of the most famous and renowned theatre historians, rector of the Moscow Art Theatre school, a Bulgakov scholar, he came to Geneva together with the MAT during the “Russian Cultural Seasons”. We met him to discuss the role of the contemporary theatre, its responsibility and influence upon minds.

Anatoly Smeliansky: "Theatre is the nerve of the country"

Анатолий Миронович Смелянский хорошо известен в театральном мире. Будучи профессором, он преподает не только в России, но и в Гарварде, Йеле, Оксфорде и Сорбонне.

Его многочисленные труды по истории русского театра уже считаются классическими. Помимо книг «Я понять тебя хочу», «Порядок слов», «Олег Ефремов. О театре и о себе», «Предлагаемые обстоятельства», «The Russian Theatre after Stalin» Анатолий Смелянский издал полное 9-томное собрание сочинений К.С. Станиславского.

При этом его трудно назвать сторонним наблюдателем: вот уже 34 года он работает в МХТ им.Чехова, наверное, самом знаковом российском театре. История театра – эта история его жизни. Потому и разговор о роли театра получился личным, с неожиданными поворотами и, конечно, насыщенный цитатами из классики.

Наша Газета.ch: Анатолий Миронович, может ли современный театр в России претендовать на место важнейшего из искусств?

Анатолий Смелянский: Идея Ленина о том, что важнейшим является кино, имела чисто пропагандистское значение, поскольку речь шла о влиянии на массы. Сталин любил и театр и кино, хотя тогда изготавливалось ровно столько фильмов, сколько он мог посмотреть. В нормальном государстве никто не знает, сколько картин выходит в год.

Но если говорить о положении театра, то, конечно, приходится признать, что процент людей, посещающих спектакли, резко сократился. Это ясно показывает статистика.

В сравнении с каким периодом?

Даже с советским. Во многом это связано с появлением самых разнообразных форм развлечений. Колоссальную роль сыграл и интернет. Нельзя забывать и про десятки телеканалов. Это безусловно убивает театр: как может провинциальный театр конкурировать с ежевечерним тотальным нашествием «звезд» на экранах?

Но театр все равно остается неким нервным окончанием страны. Для мыслящих людей он – выразитель того, что происходит в стране. И в этом его важность. Как сказано у Шекспира, суд одного человека иногда превосходит суд толпы. В этом смысле влияние театра не рассчитывается количеством сыгранных спектаклей или наполнением зрительного зала. Хотя мне кажется, что сегодня степень этого влияния упала из-за растерянности, в которой пребывает страна, из-за уныния, которое мы наблюдаем вокруг. Так думаю не только я. Когда, например, я вижу Александра Сокурова, я вижу, как в нем дрожит струна тревоги.

Откуда берется это ощущение отчаяния?

Трудно объяснить природу этого метафизического отчаяния. Я недавно общался с одним из представителей умеренной думающей оппозиции, и он мне напомнил Иванова из одноименной пьесы Чехова. Иванов обеспечен, но не богат, университетский человек, что в России всегда было важно, и все вроде хорошо. Но почему он себя убивает? Комплекс нынешнего Иванова все объясняет: ощущение полной пустоты, человек видит, что он не будет здесь востребован. В каждой стране есть много людей, которые не могут реализоваться по самым разным причинам, но в России человек чувствует, что это зависит не от него. Это такое общее состояние.

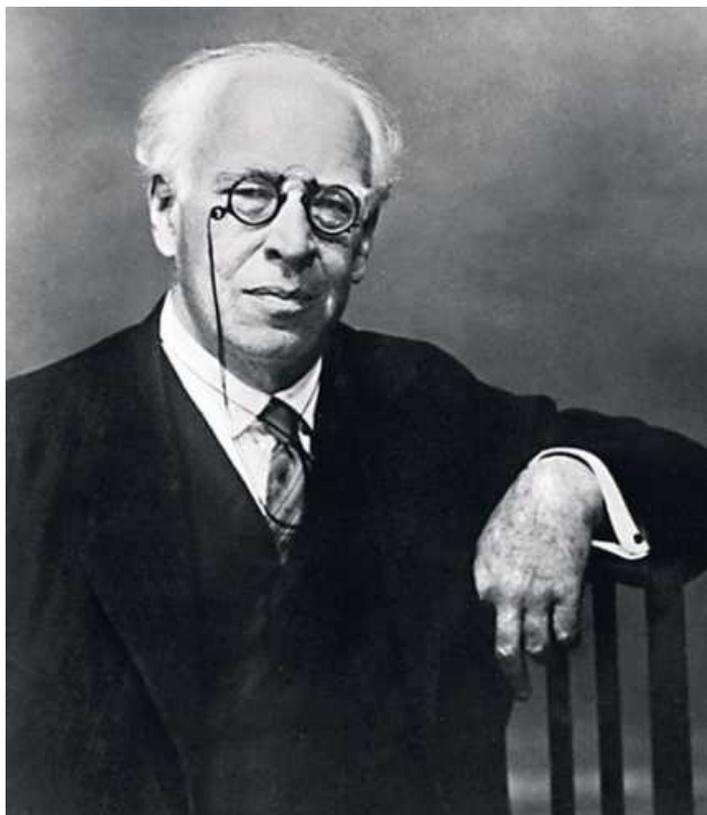
Как Вам кажется, почему люди не ходят в театр, в котором сегодня можно

все? Ведь каждый мог бы каким-то образом заполнить эту возникающую пустоту, посмотрев спектакль, отвечающий на его вопросы.

Действительно, сегодня у зрителя есть огромные возможности выбора – от классики до арт-хауса. Но не идут. В советское время театр считался влиятельным искусством, а потому его прессовали, закрывали, ограничивали. Сегодня важными считаются федеральные телеканалы, и их держат. А все остальные? «Да черт с вами». А когда так говорят, возникает очень плохая ситуация для художника: рождается чувство тоски и ненужности. Для искусства очень важно некое сопротивление материала, ожидание чего-то важного. Если зритель приходит в зал, чтобы провести время, – это самое худшее. Аналогичная ситуация на Западе.

Есть ли современные пьесы, поставив которые, можно разрешить описываемые проблемы?

Пока нет такого материала. Иногда возникают интересные пьесы, но чего-то настоящего, серьезного, что могло бы прожить больше одного сезона пока не появляется.

«Мы живем, под собою не чуя страны»?

Да. Хотя принципиально важна не точка, в которой мы стоим, а направление движения. Это было еще у Толстого.

Но ведь современный театр все же пытается реагировать на происходящее, на общую атмосферу и как-то пытается участвовать в поисках этих потерянных ориентиров.

Конечно, если вы поговорите с современными режиссерами, они скажут, что со многим не согласны, что они пытаются пробиться, изменить себя и мир. Но по-

настоящему великие вещи в истории театра возникали, когда художник делал спектакль просто потому, что не мог иначе.

На смену поколению, которое было и которое сейчас уходит, – Додину, Гинкасу, Фоменко, – неизвестно, кто придет. Потому что сразу после них будет некоторая пустота, а следом – современные и не очень дружные авангардистские режиссеры. Раньше было ощущение больших задач, сейчас этого нет.

Большие задачи всегда означают большие требования. Чем сложнее, тяжелее, страшнее эпоха, тем выше уровень и значение театра. Примеров тому в истории мирового театра достаточно: во времена Шекспира, также как и в советское время из-за спектакля человек мог легко лишиться жизни.

Как раз потому, что на кону стоит твоя собственная жизнь: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю». Кроме того, трудно представить сегодняшних противников художников, если таковые есть, в качестве гигантов. Знаете, последние годы Олега Ефремова прошли под знаком очень большого разочарования в либеральных идеях. «Да вы, ребята, вороватые», – говорил он. Надо понимать, что он был человеком, преданным идее. Ефремов был идеалистом.

У многих художников сегодня присутствует вот это ощущение разочарования, тревоги, нереализованности. Хотя я остаюсь оптимистом: при всех соблазнах уехать, я провел свою жизнь в России. Без идеализма в нашей стране нельзя возглавить какое-нибудь учреждение. 14 лет я был ректором Школы-студии МХАТ. Надо очень сильно верить, что эти ребята – наше будущее, что они могут менять мир вокруг.

Отличаются ли современные студенты, молодые актеры, от поколений Табакова, Ефремова?

Конечно. Часто приходят ребята, которые читают не только Ахматову, но и отрывки, в которых открыто используют мат. Им кажется, что это нормально. В этом есть некоторая свобода. Я думаю, что роль Школы-студии – в воспитании. Обучить нельзя, можно только обучиться самому. Надо сделать прививки: объяснить, показать вещи, которые делать нельзя. И сделать это можно только на собственном примере. Надо выработать чувство физического отторжения ко многим болезням, развить чувство стыда. Больше всего, конечно, беспокоит разгул гомофобии и расизма. Никогда в России такого не было.

Главная задача школы – воспитать в актере нравственные идеалы и ориентиры?

Да. И потому мы должны быть требовательны к себе. Профессионализм педагога в том, чтобы показать все на собственном примере. Актер всегда воспроизводит то, что видит вокруг. Когда все свободно и нет ограничений, значение театра и артиста снижается. Надо быть супертеатром, сверх-актером, сверх-режиссером, чтобы действительно заинтересовать публику и повести ее за собой. Таких актеров сегодня практически нет. Сейчас у нас промежуток. Но только не надо никаких поисков национальной идеи и создания идеологии. Как говорил Серебряков, «Надо дело делать, господа».

От редакции: 19 и 20 октября в Конгрессхаусе в Цюрихе будет представлен

спектакль «Преступление и наказание», билеты на который можно заказать [здесь](#).

[театр](#)

[МХТ имени Чехова](#)

[театральная жизнь Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Цюрих и Женева впервые увидят спектакли МХТ им. Чехова](#)

[Олег Табаков: «Наши классики сумели выразить что-то непреходяще важное»](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/anatolij-smelyanskiy-teatr-nervnoe-okonchanie-strany>